Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-295-300

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ГЕРМЕНЕВТИКА ТЮРЕМНОГО ТЕКСТА: ЧТО ГОВОРЯТ НАДПИСИ НА СТЕНАХ, ТАТУИРОВКИ И ПИСЬМА?

Аннотация. *Статья посвящена разработке герменевтического подхода к анализу артефактов тюремной субкультуры, рассматриваемых в качестве текстов, требующих понимания. На основе философской герменевтики Поля Рикёра (диалектика подозрения и доверия) и Ханса-Георга Гадамера (принцип слияния горизонтов) обосновывается методологическая возможность выхода за пределы клинической симптоматики для постижения глубинных структур личности заключенного. Показано, что надписи на стенах, татуировки и письма являются не периферийными маркерами девиантного поведения, а автономными знаковыми системами, репрезентирующими травматический опыт, актуальную идентичность и перспективы надежды. Анализируется диагностический потенциал «герменевтики подозрения» при выявлении защитных механизмов и шизоидных тенденций, а также «герменевтики доверия» для феноменологической реконструкции субъективного мира. Вводится понятие «травматической фиксации» в настенных надписях и «онтологической брони» в тюремной татуировке. Делается вывод о необходимости интеграции герменевтического метода в практику пенитенциарного психиатра и психолога как инструмента, позволяющего отличать экзистенциальную коммуникацию от ролевого поведения, продиктованного логикой тотального института*.

Ключевые слова: *пенитенциарная психология, герменевтика, Поль Рикёр, Ханс-Георг Гадамер, тюремная субкультура, татуировки, травма, идентичность, слияние горизонтов, диагностика.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

HERMENEUTICS OF THE PRISON TEXT: WHAT DO WALL INSCRIPTIONS, TATTOOS, AND LETTERS SAY?

Annotation. *This paper develops a hermeneutic approach to the analysis of artifacts of prison subculture, viewed as texts requiring understanding. Based on the philosophical hermeneutics of Paul Ricoeur (dialectic of suspicion and trust) and Hans-Georg Gadamer (principle of fusion of horizons), the study substantiates the methodological possibility of going beyond clinical symptomatology to comprehend the deep structures of the inmate's personality. It is demonstrated that wall inscriptions, tattoos, and letters are not peripheral markers of deviant behavior but autonomous sign systems representing traumatic experience, current identity, and prospects of hope. The diagnostic potential of the «hermeneutics of suspicion» in identifying defense mechanisms and schizoid tendencies is analyzed, alongside the «hermeneutics of trust» for the phenomenological reconstruction of the subjective world. The concepts of «traumatic fixation» in wall graffiti and «ontological armor» in prison tattoos are introduced. The conclusion emphasizes the necessity of integrating the hermeneutic method into the practice of the penitentiary psychiatrist and psychologist as a tool that allows distinguishing existential communication from role-playing behavior dictated by the logic of the total institution*.

Key words: *penitentiary psychology, hermeneutics, Paul Ricoeur, Hans-Georg Gadamer, prison subculture, tattoos, trauma, identity, fusion of horizons, diagnostics.*

Введение. В практической деятельности пенитенциарного психиатра или психолога традиционные клинические методы сбора анамнеза и стандартизированного интервью часто оказываются недостаточными. Сознание заключенного, помещенное в условия тотального института, структурировано не только нозологическими закономерностями, но и сложными адаптационными стратегиями, среди которых особое место занимает феномен диссимуляции или, напротив, аггравации симптоматики. В этом контексте «сырой» вербальный материал, получаемый в ходе прямого опроса, может быть глубоко искажен защитными механизмами и установками на социальную желательность [5]. Однако пространство тюрьмы пронизано иными, невербальными или квазивербальными сообщениями, которые, оставаясь за рамками официального медицинского дискурса, тем не менее несут в себе огромный диагностический заряд.

Речь идет об артефактах тюремной субкультуры: граффити на стенах камер, татуировках, покрывающих тело, и письмах, адресованных родным или фигурирующих в личных делах. Традиционно эти феномены рассматривались криминологами либо как маркеры иерархии в преступном мире, либо как объекты этнографического интереса. Мы предлагаем взглянуть на них принципиально иначе, а именно как на тексты, обладающие автономной семантической структурой и требующие особой процедуры понимания, отличной от простого объяснения причинно-следственных связей. Данная работа ставит своей целью обосновать применение философской герменевтики Поля Рикёра и Ханса-Георга Гадамера к анализу этих «тюремных текстов» как инструмента, позволяющего проникнуть в глубинные структуры личности, травматический опыт и, что особенно важно для реабилитационного прогноза, остатки надежды [1; 8]. В отличие от традиционной клинической семиотики, которая ищет симптом как знак болезни, герменевтический подход стремится понять текст как событие смысла, в котором субъект конституирует себя заново в условиях предельного отчуждения.

1. Тюремный текст как феномен: между знаком и смыслом. Всякое письменное или изобразительное высказывание в условиях пенитенциарного учреждения обретает особую модальность. Это не просто коммуникация, но акт экзистенциального самоопределения. Когда заключенный выцарапывает на стене имя или символ, он не просто заполняет время, которое в тюрьме, по меткому выражению исследователей, превращается в субстанцию, требующую «убийства» [6]. Он совершает акт присвоения пространства, превращая враждебную, обезличенную среду в личное, хотя и маргинальное, место обитания. Такие надписи часто представляют собой не столько сообщение для другого, сколько заклинание для самого себя, попытку зафиксировать хрупкую идентичность, которая под давлением режима тотального контроля готова раствориться. В этом смысле стена камеры становится зеркалом, в котором субъект пытается увидеть себя, но видит лишь отчужденную надпись, живущую своей жизнью.

Анализ настенных граффити в следственных изоляторах, проведенный рядом авторов, показывает, что повторяющиеся мотивы (дата ареста, номер статьи УК, кличка, схематичное изображение колючей проволоки) могут быть интерпретированы как обсессивные ритуалы, направленные на символическое овладение травмой. Отличие тюремного граффити от уличного заключается в его вынужденности и длительности. Уличный художник выбирает стену; заключенный приговорен к своей стене. Эта приговоренность порождает феномен «текстовой гипертрофии», когда поверхность камеры покрывается слоями сообщений, вступающих в диалог друг с другом, иногда спустя годы и разные поколения сидельцев. Психиатр, входящий в камеру, оказывается перед лицом не просто грязных стен, а перед сложной интертекстуальной реальностью, требующей расшифровки. Например, зачеркнутое имя может указывать на смерть человека или на его «опущение» в иерархии; крест, нарисованный углем, – на мольбу о защите, а не на религиозное благочестие.

Татуировки в этом ряду занимают особое, пограничное положение между добровольным творчеством и принудительной стигматизацией. Современные исследования показывают, что связь между наличием татуировок и психопатологией не является линейной, как это предполагали ранние криминологические теории [7]. В пенитенциарной среде татуировка перестает быть просто украшением или знаком протеста. Она становится онтологической броней. Особенно значимы в этом смысле татуировки, изображающие религиозные сюжеты или портреты политических лидеров, которые, как показывают исторические исследования тюремного быта, наносились не столько из идеологических убеждений, сколько из суеверного желания защитить тело от физического насилия. Для психиатра подобный артефакт является симптомом второго порядка, указывающим не на нозологическую принадлежность, а на специфическую структуру тревоги и способы совладания с ней. Более того, процесс нанесения татуировки в тюрьме – это часто не добровольный акт, а ритуал

инициации или принуждения, что накладывает отпечаток на ее психологическую функцию. Татуировка, сделанная под давлением, будет нести в себе следы унижения, которые владелец вынужден затем инкорпорировать в свой образ Я.

2. Семиотика тюремной татуировки: от иерархии к травме. Традиционная криминология разработала подробные классификаторы тюремных татуировок, связывая их с положением в неформальной иерархии (например, «звезды» на коленях – «не встану на колени», перстни – срок, «коты» – вор-рецидивист). Однако герменевтический подход требует пойти дальше, спросив не «что значит этот знак в системе», а «что этот знак говорит о внутреннем мире конкретного человека». Например, широко известный символ «крест на груди» может иметь совершенно разное значение: для одного это знак «вора в законе», для другого – память об умершей матери, для третьего – магическая защита от ножа. Без герменевтической процедуры слияния горизонтов психиатр рискует приписать заключенному то значение, которое диктует внешняя нормативная система (криминальная или медицинская), но не то, которое вкладывает в знак сам субъект.

В работе I. Gavrilaș (2025) убедительно показано, что у молодых заключенных татуировки часто ассоциированы не с антисоциальными чертами, а с шизотипическими или избегающими паттернами [4]. Тело становится полем битвы, где внутренняя пустота заполняется внешними символами, заимствованными из коллективного бессознательного криминальной среды. Такой субъект не столько выражает свою идентичность, сколько конструирует ее по готовым лекалам, чтобы избежать встречи с собственным «Я», которое в условиях изоляции переживается как чуждое или разрушенное. С этой точки зрения, обильная татуировка может служить диагностическим маркером не столько психопатии, сколько пограничной или шизотипической организации личности. Более того, процесс нанесения татуировки (боль, длительность, риск инфицирования) является для некоторых заключенных формой аутоагрессии, легитимизированной субкультурой, что требует дифференциальной диагностики с парасуицидальным поведением.

3. Герменевтика подозрения и доверия: двойная оптика Рикёра. Поль Рикёр, размышляя о природе интерпретации, предложил различать два полюса, между которыми колеблется любое понимание [8]. С одной стороны, это «герменевтика подозрения», унаследованная от Маркса, Ницше и Фрейда, которая стремится разоблачить иллюзии сознания, вскрыть скрытые механизмы власти, лжи и самообмана. С другой – «герменевтика доверия» или «восстановления смысла», нацеленная на реконструкцию субъективного мира, на диалог, в котором интерпретатор стремится услышать голос Другого как голос истины, даже если эта истина болезненна. Применительно к тюремному тексту эти две установки должны действовать в неразрывном единстве.

«Герменевтика подозрения» необходима психиатру для деконструкции тех сообщений, которые являются частью институциональной игры. Например, определенные типы татуировок или демонстративные надписи суицидального содержания могут быть не столько криком о помощи, сколько демонстрацией статуса «обиженного» или претензией на перевод в безопасное место (стационар). Задача специалиста здесь – увидеть за текстом то, что умалчивается, обнаружить намерение манипуляции. Однако остановка на подозрении ведет к цинизму и профессиональному выгоранию, когда за каждым проявлением страдания начинает видеться только симуляция. Именно здесь вступает в силу «герменевтика доверия» Рикёра. Следовать ей значит признать, что даже самый искаженный, мифологизированный или агрессивный тюремный текст содержит в себе зерно подлинного переживания. Татуировка, изображающая «Веру, Надежду, Любовь», может быть одновременно и криминальным символом, и искренней мольбой о спасении, адресованной трансцендентному. Отказ от редукции этого символа к его криминальной функции и есть акт герменевтического доверия, позволяющий установить терапевтический контакт.

Более того, диалектика подозрения и доверия позволяет работать с феноменом тюремной лжи. Прямая ложь в интервью легко распознается по невербальным признакам. Но ложь, вписанная в тюремный текст (например, пафосная надпись о «чести вора», сделанная человеком, нарушившим воровской закон), является сложным семиотическим образованием. Она говорит не столько о содержании, сколько о желании казаться, о расщеплении между реальным и идеальным Я. Для психиатра такое расщепление может быть более информативным, чем любой достоверный факт биографии.

4. Слияние горизонтов Гадамера: встреча психиатра и текста. Ключевой методологической проблемой при анализе тюремных артефактов является неизбежная герменевтическая асимметрия. Психиатр, представляющий мир порядка, закона и нормы, и заключенный, выброшенный на обочину

этого мира, принадлежат к разным историческим и культурным традициям. Их «горизонты» изначально не совпадают. Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» утверждал, что понимание возможно только как «слияние горизонтов», процесс, в ходе которого интерпретатор не отменяет свою собственную предвзятость (пред-мнение), а подвергает ее риску, позволяя тексту говорить с ним на своем языке [1].

В контексте пенитенциарной диагностики это означает, что чтение тюремного текста не должно быть монологом эксперта, выносящего вердикт («это татуировка вора в законе, значит, диагноз диссоциальное расстройство»). Это диалог, в котором смысл рождается на пересечении двух субъективностей. Расшифровка письма заключенного к матери требует от психолога не только знания тюремного сленга, но и способности «заражаться» его тревогой, видеть мир его глазами, оставаясь при этом носителем терапевтической позиции. Только такое слияние горизонтов позволяет превратить сырой материал надписи или рисунка в факт биографии, понятный не в нозологическом, а в экзистенциальном ключе. Игнорирование этого принципа ведет к феномену, который можно назвать «диагностической слепотой», когда психиатр видит только паттерны расстройства, но не видит человека, пытающегося этими паттернами выразить невыразимую боль.

Следует подчеркнуть, что слияние горизонтов не означает полного отождествления. Психиатр остается носителем клинического знания и этической ответственности. Однако он должен временно приостановить свои нормативные суждения (эпохе), чтобы текст мог проявить себя. Этот методологический принцип Гадамера перекликается с феноменологической редукцией в психиатрии. В практической работе это означает, что, увидев на стене камеры рисунок виселицы, врач не должен немедленно фиксировать суицидальный риск, а сначала задаться вопросом: что этот образ значит для данного человека в данном контексте? Возможно, это не призыв к самоубийству, а символ несправедливости или элемент криминальной «романизации» смерти.

5. Феноменология письма: интимность на расстоянии. В отличие от демонстративных граффити и телесных татуировок, письмо является наиболее интимным и наименее изученным с диагностической точки зрения артефактом. Письмо заключенного всегда двойственно: оно адресовано конкретному Другому (матери, жене, ребенку), но одновременно оно является документом, который может быть прочитан администрацией, цензурой и, в конечном счете, психологом. Эта «двойная адресация» порождает особую риторику, полную умолчаний, эзопова языка и самоцензуры. Для герменевтика именно те места, где текст обрывается, где предложение не дописано, где появляется нехарактерная для автора официальная лексика, являются наиболее значимыми. Они указывают на зоны травмы, которые нельзя назвать прямо.

Исследование Tipton (2022), посвященное «текстурированной трансформации» в тюремной переписке, показывает, что даже в условиях жесткого контроля заключенные находят способы передать эмоциональную правду через метафоры, повторы и ритмическую организацию письма [10]. Например, аномально частое использование пассивного залога («меня заставили», «мне сказали») может свидетельствовать о глубоком переживании утраты субъектности, даже если фабула письма нейтральна. И наоборот, сохранение иронии и сложных грамматических конструкций спустя годы заключения является более надежным признаком сохранности личности и реабилитационного потенциала, чем результаты формального тестирования [2].

Письма также являются уникальным источником для понимания того, что можно назвать «временной перспективой надежды». В них заключенный конструирует образ будущего освобождения, часто идеализируя его или, напротив, катастрофизируя. Анализ этих нарративов позволяет психиатру оценить риск дезадаптации после освобождения. Если в письмах отсутствует любое упоминание будущего, если горизонт ограничен режимными событиями (передача, свидание, этап), это тревожный признак «коллапса темпоральности», характерного для глубокой депрессии или деморализации. Разрыв коммуникации, уход в примитивные графемы или полный отказ от письма являются грозным прогностическим признаком углубления экзистенциального вакуума и формирования стойкого дефекта личности.

6. Психопатологическое прочтение: травма, идентичность и надежда. Каковы же конкретные содержательные категории, которые позволяет выявить герменевтический анализ? Прежде всего, это структура травмы. Надписи на стенах, особенно в камерах следственных изоляторов, часто представляют собой редуцированные, повторяющиеся тексты («Здесь был...», даты ареста, клички). С точки зрения «герменевтики подозрения», это акт аутоагрессии или фиксации на травме. Однако с точки зрения феноменологии, это попытка остановить

время, придать смысл точке бифуркации, разрушившей привычную жизнь. Такая фиксация на датах и именах может указывать на посттравматическое стрессовое расстройство, развивающееся не только после насилия, но и после самого факта потери свободы как утраты биографического проекта.

Далее, это динамика идентичности. Татуировки в тюрьме часто являются формой «смены кожи», символическим умерщвлением прежнего гражданского «Я» и рождением «Я» криминального или тюремного. Однако здесь возможны и более тонкие нюансы. Как было показано, татуировки могут служить компенсаторным механизмом для хрупкого Эго [4]. Для психиатра рисунок на теле – это визуальный аналог внутреннего диалога. Перекрытие старой татуировки новой, специфическая символика (кресты, цепи, хищные животные) рассказывают о том, как человек переживает свою вину, стыд и агрессию. Особого внимания заслуживают татуировки, сделанные в психиатрических стационарах, куда заключенные попадают по направлению. Они часто отличаются примитивизмом и содержат медицинскую символику (шприцы, таблетки), что может свидетельствовать о формировании «нозологической идентичности», когда болезнь становится центральным элементом самосознания.

Наконец, это горизонт надежды. Самым сложным для интерпретации, но и самым ценным объектом являются письма. В отличие от демонстративных граффити, письмо – это интимный акт, направленный конкретному Другому. Даже если его текст перенасыщен жалобами, агрессией или описанием ужасов быта, герменевтический анализ позволяет увидеть за этим перформативом запрос на любовь, принятие и возвращение. Сохранение связного, грамматически сложного предложения в письме спустя годы заключения может быть более надежным признаком сохранности личности и потенциала реабилитации, чем результаты формального нейропсихологического тестирования. Разрыв коммуникации, уход в примитивные графемы или полный отказ от письма являются грозным прогностическим признаком углубления экзистенциального вакуума и формирования стойкого дефекта личности [9].

Заключение. Герменевтический подход, предложенный П. Рикёром и Х.Г. Гадамером, открывает перед пенитенциарной психиатрией и психологией новые эпистемологические горизонты. Превращение надписей на стенах, татуировок и писем из маргинальных объектов криминологии в полноценные «тексты», подлежащие пониманию, позволяет преодолеть редукционизм как биологизаторской, так и сугубо поведенческой психиатрии. Для практикующего врача анализ этих артефактов становится инструментом верификации вербальной информации и методом установления терапевтического альянса.

Применение «герменевтики подозрения» помогает деконструировать симулятивные стратегии и институциональные роли, навязанные заключенному системой. Применение «герменевтики доверия» позволяет услышать в шуме тюремного быта подлинный голос субъекта, его боль и его надежду. «Слияние горизонтов» в процессе интерпретации является тем идеалом, к которому должен стремиться специалист, чтобы избежать профессиональной деформации и сохранить человеческое лицо в бесчеловечном пространстве тотального института. Эволюция пенитенциарной диагностики связана сегодня не столько с изобретением новых опросников, сколько с развитием способности клинициста к глубокому, медленному и мужественному чтению тех знаков, которые оставляет по себе личность на границе бытия и небытия [3]. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку операционализированной методики герменевтического анализа тюремных текстов, пригодной для использования в клинической практике и обучении специалистов.

Список литературы:

[1] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.

[2] Пелевина Н. А., Куришко К. В. Эмфатизация маргинальных обертонов смысла в психологическом повествовании // Гуманитарные и юридические исследования. — 2020. — № 1. — С. 168–173. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.1.22.

[3] Bebbington P., Jakobowitz S., McKenzie N., Killaspy H., Iveson R., Duffield G., Kerr M. Assessing needs for psychiatric treatment in prisoners: 1. Prevalence of disorder // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. — 2017. — Vol. 52, № 2. — P. 221–229. — DOI: 10.1007/s00127-016-1311-7.

[4] Gavrilaș L. G. Tattoos between symbol and action: psychoanalytic significance and predictive value in the analysis of recidivism among young inmates // Annales Universitatis Apulensis. Series Jurisprudentia. — 2025. — № 28. — P. 93–105. — URL: https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1406092 (дата обращения: 29.03.2026).

[5] Goffman E. Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. — New York: Anchor Books, 1961. — 386 p.

[6] Harrington C. L. Time to piddle: death row incarceration, craftswork, and the meaning of time // The Journal of Arts Management, Law, and Society. — 1997. — Vol. 27, № 1. — P. 51–71. — DOI: 10.1080/10632929709597267.

[7] Klein C. A., Kenedi C. Understanding tattoos in medicolegal assessments // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2018. — Vol. 46, № 1. — P. 93–101.

[8] Ricoeur P. Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation. — New Haven: Yale University Press, 1970. — 573 p.

[9] Skott S. [Review of the book Haunting prison: exploring the prison as an abject and uncanny institution, by T. Fredriksson] // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. — 2024. — Vol. 14. — DOI: 10.5204/ijcjsd.3422.

[10] Tipton L. J. Scribing place: textured transformation across the prison(er) canvas: PhD thesis. — Lancaster: Lancaster University, 2011.

References:

[1] Gadamer H.-G. Truth and method: the basics of philosophical hermeneutics: per. With him ./Gener. ed. And entry. Art. B.N. Bessonova. - M.: Progress, 1988. - 704 s.

[2] Pelevina N.A., Kurishko K.V. Emphatization of marginal overtones of meaning in psychological storytelling//Humanitarian and legal studies. — 2020. — № 1. - S. 168-173. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.1.22.

[3] Bebbington P., Jakobowitz S., McKenzie N., Killaspy H., Iveson R., Duffield G., Kerr M. Assessing needs for psychiatric treatment in prisoners: 1. Prevalence of disorder // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. — 2017. — Vol. 52, № 2. — P. 221–229. — DOI: 10.1007/s00127-016-1311-7.

[4] Gavrilaș L. G. Tattoos between symbol and action: psychoanalytic significance and predictive value in the analysis of recidivism among young inmates // Annales Universitatis Apulensis. Series Jurisprudentia. — 2025. — № 28. — P. 93–105. - URL: https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1406092 (access date: 29.03.2026).

[5] Goffman E. Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. — New York: Anchor Books, 1961. — 386 p.

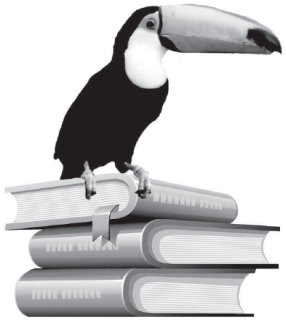
[6] Harrington C. L. Time to piddle: death row incarceration, craftswork, and the meaning of time // The Journal of Arts Management, Law, and Society. — 1997. — Vol. 27, № 1. — P. 51–71. — DOI: 10.1080/10632929709597267.

[7] Klein C. A., Kenedi C. Understanding tattoos in medicolegal assessments // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2018. — Vol. 46, № 1. — P. 93–101.

[8] Ricoeur P. Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation. — New Haven: Yale University Press, 1970. — 573 p.

[9] Skott S. [Review of the book Haunting prison: exploring the prison as an abject and uncanny institution, by T. Fredriksson] // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. — 2024. — Vol. 14. — DOI: 10.5204/ijcjsd.3422.

[10] Tipton L. J. Scribing place: textured transformation across the prison(er) canvas: PhD thesis. — Lancaster: Lancaster University, 2011.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru